

Горский А. В., прот. Письмо протоиерея Александра Васильевича Горского от 7 марта 1867 г. к митрополиту Московскому Филарету [Дроздову] // Богословский вестник 1907. Т. 3. № 9. С. 160–171 (2-я пагин.).

Письмо прот. Александра Васильевича Горского отъ 7 марта 1867 года къ Митрополиту Московскому ¹⁾.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,
Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

По приказанію Вашего Высокопреосвященства, благопокорнѣйше представляю при семъ „замѣчанія, на нѣкоторыя мѣста въ книгѣ о бѣломъ и черномъ духовенствѣ ²⁾, касающіяся Московской Д. Академіи“, и „выписку мѣстъ изъ той же книги“, раскрывающихъ нѣкоторыя догматическія воззрѣнія автора.

Въ руку Вашею, Милостивѣйшій Архипастырь, жребіи наши.—Но нынѣшнее начальство наше въ Спб. заставляеть насъ страшиться слишкомъ строгихъ распоряженій. Недавно Св. Синодъ, какъ сказано въ бумагѣ, „по заключенію Духовно-учебнаго Управленія“,—приказаль уволить въ Ярославской семинаріи двоикъ профессоровъ (одинъ изъ нихъ служилъ болѣе тридцати лѣтъ, съ отличіемъ), не совсѣмъ одобрительно рекомендованныхъ Епархіальнымъ Преосвященнымъ ³⁾,—и одного учителя Перервинскаго училища, іеромонаха Тихона, котораго смотритель училища рекомендовалъ такъ: „поведенія хорошаго, довольно исправнаго“, и которому Академическое Правленіе на первый разъ полагало сдѣлать внушеніе о большей исправности, поручивъ его особому надзору начальства.

¹⁾ Письмо изъ архива пр—го Саввы, ар-еп. Тверскаго.

²⁾ Авторъ книги, бывшій проф. Спб. дух. ак. Дм. Ив. Ростиславовъ + 18 фев. 1877. Книга издана въ 2-хъ т. въ Лейпцигѣ въ 1866 г. См. о Рост—вѣ въ хроникѣ жизни пр—го Саввы, т. 3 стр. 658.

³⁾ Ярославскимъ ар-еп. съ 1853 г. былъ Нилъ (Исаковичъ) ск. 21 Іюня 1874 года.

О судьбѣ толкованія на Апокалипсисъ А. Бухарева ¹⁾, узналъ я отъ о. инспектора ²⁾ нашего, что, по распоряженію Св. Синода, съ членовъ СПб. цензурнаго комитета взыскивается требуемая издателемъ сумма, хотя въ уменьшенномъ размѣрѣ. Издатель требовалъ 2000 р., а по оцѣнкѣ сдѣланныхъ расходовъ на начало изданія оказалось, что истрачено не болѣе 600 р. Поэтому я и отложилъ писать въ С.-Петербургу о книгѣ г. Бухарева.

Испрашивая Архипастырскаго благословенія Вашего честь имѣю пребыть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивѣйшаго Архипастыря и Отца,
нижайшимъ послушникомъ
Ректоръ Московской Д. Академіи
Александръ Горскій.

Замѣчанія на нѣкоторыя мѣста въ книгѣ, „о православномъ бѣломъ и черномъ духовенствѣ“, касающіяся Московской Духовной Академіи.

<p>Ч. 1. стр. 131. 132. „Года за 2—3 въ Московскую Академію поступилъ молодой вдовый священникъ и скоро своими успѣхами и поведеніемъ обратилъ на себя вниманіе начальства, особенно профессоровъ.</p>	<p>Дѣло идетъ о священникѣ Петрѣ Лосевѣ ³⁾. Распоряженіе, чтобы ему, какъ не желающему пользоваться монашескимъ столомъ, обѣдать вмѣстѣ съ прочими студентами, было сдѣлано. Но что</p>
--	--

¹⁾ Бухаревъ А. Матв.—въ монашествѣ извѣст. ар-м. Теодоръ, въ 1863 г. сложилъ съ себя званіе монашеское. См. въ 1871 г. Подроб. свѣдѣнія о немъ см. Богосл. Вѣстн. 1904 г. Іюль и Авг. и Правосл. Собесѣд. Апрель за 1896 г. и Ист. Каз. ав. Знаменскаго вып. I 1891 г. стр. 124—136 и выпускъ 2-й 1892, стр. 205—291. 388—389. Русск. Стар. 1897, Март. Толкованія апокалипсиса (Современныя состоявія міра и политическія событія о. Бух. объяснялъ по апокалипсису) стовли о. Бухареву многихъ нравственныхъ страданій. См. Записки Гилярова-Платонова „изъ пережитаго“ (11, 290—291).

²⁾ Инспекторомъ Академіи при ар-м. Теодорѣ (Бухаревѣ) былъ (съ 1848—1857) Сергій (Ляпидевск.) вполсѣд. Москов. Митроп.

³⁾ Лосевъ Петръ сынъ причетника Рязанск. епархіи, въ 1854 г. оконч. курс. сем., въ 1857 г. священникъ; въ 1862 г.—поступ. въ акад., съ 1866 г.—учитель Рязан. сем.; съ 1875 г.—Рект. Вологод. сем.,—въ 1887 г. ув. отъ должн. ректора; въ 1887 10 окт. постриж. и назнач. еп. Сумскимъ; съ 1889 г.—Владикавказ.; съ 1891 г.—Велнкоустюжск.; съ 1892 г.—Перм. † 30 март. 1902 г.

Ему цѣлый годъ позволяли жить, какъ священнику, т. е. пользоваться тѣмъ же столомъ, который готовится для студентовъ въ сертукахъ, или сертуконосцевъ. Но чрезъ годъ инспекторъ - архимандритъ ¹⁾, не сказавши ни слова студенту-священнику, велѣлъ не давать ему мясной пищи; пусть-де онъ кушаетъ вмѣстѣ съ монахами-студентами. Осужденный на рыбоѣденіе не извѣстно за какой проступокъ попросилъ объясненія у своего начальства. Оно сначала отвѣчало уклончиво, сказавши, что его мясоѣденіемъ соблазняются и даже скоромятся чрезъ обоняніе два ²⁾ живущіе съ нимъ монаха студента. Осужденный весьма основательно сказалъ, что соблазняемые, слава Богу, въ лѣтахъ уже, а не дѣти; онъ могъ бы еще прибавить, что посредствомъ обонянія скоромиться нельзя. Потомъ дали ему намекъ, что онъ долженъ приучить себя къ иноческой жизни, къ которой предназначенъ. Осужденный отвѣчалъ, что онъ и не думаетъ поступить въ м—во ³⁾. „Какъ же такъ?“ воскликнуло начальство ⁴⁾. Да, я желаю

же было въ томъ неприличнаго? И прежде, приготовляющіеся къ поступленію въ монашество, заранѣе оставляли общую столовую и живя вмѣстѣ съ монашествующими, вмѣстѣ съ ними и принимали пищу. Священникъ Лосевъ изъ вдовыхъ никогда не отрицался поступить со временемъ въ монашество. Потому нисколько не странно, что отъ него потребовали, чтобы онъ или, приготовляя себя къ монашеству, отказался отъ мясной пищи и пользовался рыбнымъ столомъ съ монахами студентами, или, отказываясь вскорѣ принять монашество, пользовался мясною пищею съ прочими студентами въ общей столовой.

Здѣсь собирались студенты нисколько его не хуже.

Авторъ не довольствуется порицаніемъ этого распоряженія, но представляетъ въ

¹⁾ Инспекторомъ акад. съ 1861 г.—1876 г. б. Михайлъ (Лузинъ) впол. еп. Курск. † 20 Март. 1887 г.

²⁾ Раазумѣются: Евставій изъ болгаръ и Іона—монахъ изъ крестьянъ.

³⁾ Постриженъ въ монашество 10 Октябр. 1887.

⁴⁾ Ректоромъ ак. (съ 23 Окт. 1862 г.) былъ А. В. Горскій.

остаться священникомъ“. — „Зачѣмъ же вы поступили въ академію?“ спросили его. „Чтобы учиться, я всегда любилъ заниматься науками“; былъ отвѣтъ. „Да мы васъ и не приняли бы, замѣтило начальство, если бы знали, что вы не поступите въ монахи“. „Это уже не мое дѣло“, отвѣчалъ подчиненный. Особенно замѣчательнень отрывокъ изъ диспута, который поэтому случаю происходилъ между однимъ начальствомъ и студентомъ-священникомъ. Последняго пригласили въ кабинетъ, посадили и повели бесѣду самымъ вѣжливымъ образомъ. Когда дѣло дошло до спорнаго пункта, то начальникъ, видя, какъ подчиненный защищается противъ м—ва, сказалъ: „напрасно вы не читали святыхъ отцовъ; тамъ бы вы увидѣли, какъ они превозносятъ иноческую жизнь“.

Увѣщаемый отвѣчалъ: „я читывалъ святыхъ отцевъ“. „Кого же?“ его спросили. „Иоанна Златоустаго, Григорія Богослова и пр.“ былъ отвѣтъ. Тогда начальникъ, вѣроятно, немножко вознегодовалъ на святителей за то, что ихъ сочиненія не пробудили во вдовомъ священникѣ желанія поступить въ м—во, сказалъ: „это вѣдь не настоящіе монахи; они были люди мірскіе. Прочитайте

карикатурномъ видѣ увѣщаніе, сдѣланное священнику Лосеву. Будто склоняя его къ монашеству, одинъ изъ начальствующихъ въ Академіи совѣтоваль ему читать Св. Отцевъ, и когда тотъ возразилъ, что онъ читалъ Св. Іоанна Златоустаго, Григорія Богослова и пр. начальствующій замѣтилъ: „это вѣдь не настоящіе монахи; они были люди мірскіе“.

Авторъ позволить усумниться, чтобы начальствующій въ Академіи Святителей Іоанна Златоуста, Григорія Богослова и пр. назвалъ людьми мірскими. Въ Академіи и студенты знаютъ, сколько лѣтъ жили въ пустынѣ эти мірскіе люди и какую вели жизнь на каедрѣ.

Авторъ увѣряетъ, будто за священника Лосева въ этомъ дѣлѣ заступились наставники, но начальство долго не сдавалось... Все это совершенный вымысль. „Устоишь ли ты, благородный, умный и честный священникъ — вдовецъ въ своемъ намѣреніи!“ восклицаетъ поборникъ бѣлаго духовенства. — Устоить ли и начальство въ томъ, чтобы тебѣ не давать мѣста за то

лучше Іоанна Лѣствичника“. Святители! Святители! и вамъ достается, когда дѣло до м—ва коснется. Наконецъ священнику - студенту было сказано, что онъ, не сдѣлавшись монахомъ, не получить никакого мѣста въ училищной службѣ. Но полагая, что до окончанія курса далеко ждать, начальство нашло нужнымъ немедленно подвергнуть упряма какому либо наказанію. Такъ какъ онъ продолжалъ защищать свои права на скоромную пищу, то ему хотя и дозволили употреблять ее, но приказали, чтобы онъ самъ ходилъ въ общую студенческую столовую и тамъ кушалъ вмѣстѣ съ сертуконосцами, тогда какъ прежде обыкновенно пища приносилась въ комнату, гдѣ помещался наказываемый. Молва объ этомъ дошла до наставниковъ; они вступились за любимаго ими студента—священника; начальство впрочемъ долго не сдавалось, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ призвало наказываемаго; съ участіемъ спросило его о томъ, что онъ какъ будто скученъ, и потомъ въ утѣшеніе поспѣшило прибавить, что отселѣ станутъ носить пищу въ его комнату, хотя съ нимъ по прежнему жили тѣ 25 лѣтнія невинныя и слабыя дѣти, которыя соблазнялись его мясоѣденіемъ.

только, что ты не хочешь итти въ монашество“? Спрашиваетъ далѣе авторъ. Отвѣчаемъ: начальство съ утвержденія Св. Синода не усумнилось отправить священника Лосева въ ту же епархію, откуда онъ пріѣхалъ,—съ назначеніемъ на должность наставника въ семинаріи. Противъ воли въ Академіи никого не заставляютъ быть монахомъ. Но тотъ, кто поступающій въ Академію и въ теченіе всего курса академическаго, даже при самомъ окончаніи его, говорилъ о своемъ расположеніи поступить въ монашество, затрудняясь только пристроеніемъ малолѣтней своей дочери, — самъ подавалъ поводъ смотрѣть на него, какъ на готовящагося къ монашеству.

Устоишь ли ты, благородный, умный и честный священникъ-вдовецъ въ своемъ намѣреніи? Устоять ли и начальство въ томъ, чтобы тебѣ не давать мѣста за то только, что ты не хочешь итти въ м—во?

Стр. 150. „Въ эти года (конецъ пятидесятихъ и начало шестидесятихъ) въ Московской и Петербургской Академіяхъ никто изъ студентовъ не хотѣлъ перемѣнить сертука на рясу, обѣ Академіи завязали даже переписку между собою; студенты ихъ давали и получали честное слово, чтобы изъ ихъ курсовъ никто не постригался въ монахи и, къ удивленію, даже на короткое время успѣли въ этомъ“!

Стр. 202. „Въ одной изъ спальныхъ комнатъ Московской Духовной Академіи часто нѣтъ возможности лѣтомъ открывать тѣхъ оконъ, которыя выходятъ на сосѣднее монастырское кладбище: такъ и несеть оттуда могильнымъ запахомъ.

Авторъ говоритъ будто въ концѣ 50-тыхъ и началѣ шестидесятихъ годовъ между студентами Московской и Петербургской Академій завязалась даже переписка, чтобы изъ ихъ курсовъ никто не постригался въ монахи.—Въ Московской Академіи неизвѣстно было ничего о такой перепискѣ. Но списки студентовъ ея показываютъ, что въ 1858 г. ¹⁾ окончили курсъ двое монашествующихъ не изъ вдовыхъ, въ 1860-мъ одинъ ²⁾ изъ вдовыхъ священниковъ, въ 1862-мъ трое), и въ томъ числѣ двое не изъ вдовыхъ.

Ближайшая къ академическому корпусу линія могилъ приходится не прямо противъ оконъ, но противъ сада академическаго. Ближайшія комнаты студенческія суть спальни, въ которыхъ днемъ людей не бываетъ, а ночью окна бываютъ затворены. Потому

¹⁾ Иером. Корвилья Орликовъ и ер-м. Григорій Войновъ.

²⁾ Иер-м. Геласій Климентовъ.

³⁾ Не трое, а пятеро: Иер-м. Іоаннъ Митропольск., Симеонъ Линьков. Иером. Климентъ Важаиовъ, Павелъ (въ монашествѣ Стефанъ) Малиновск. и Иер-м. Кириллъ Орловъ.

Стр. 243. Въ Сергіевской Лаврѣ тѣ, кому ночью нельзя было войти въ ворота, а приходилось *прелазить отъинуду*, помнать конечно находившуюся близъ Каличьей башни развалину, которая открывала входъ ночью въ обитель запоздавшимъ студентамъ, послушникамъ и... кое кому другимъ.

Для такихъ людей счастье было время при передѣлкѣ комнатъ намѣстника Лавры, примыкавшихъ къ оградѣ; тогда очень легко было возвращаться въ монастырь во всякое время. Впрочемъ былъ еще проходъ въ Пафнутаевскій садъ по тѣмъ подземнымъ трубамъ, которыми такъ славился старинный Римъ, которыя уносили въ немъ всякую всячину въ Тибръ, и у насъ наполнены отвратительною нечистотою; но дѣлать нечего; нужда чего не дѣлаетъ? И по этимъ трубамъ пробирались ночью не только послушники, но и студенты Академіи; одинъ изъ послѣд-

напрасно авторъ возстаетъ противъ такой близости кладбища. Ни жалобы студентовъ, ни собственныя прогулки по саду академическому не подали повода думать о вредномъ вліяніи близкаго сосѣдства кладбища на живущихъ въ Академіи, и даже ощущать могильный запахъ.

Говорится о тайныхъ путяхъ, какими будтобы прокрадываются монашествующіе и студенты изъ Лавры и въ Лавру ночью, какъ то: о проломѣ въ стѣнѣ, бывшемъ близъ Каличьей башни, о другомъ проломѣ, сдѣланномъ будтобы при починкѣ намѣстничьихъ покоевъ, и о подземныхъ трубахъ, выводящихъ нечистоты изъ Лавры.

Проломъ въ стѣнѣ былъ годамъ въ 30-хъ или 40-хъ, когда передѣлывалась она близъ Звонковой башни; но не надолго, доколѣ не была выведена новая стѣна. Какія поправки въ намѣстничьихъ кельяхъ, и когда именно могли сдѣлать свободнымъ выходъ изъ Лавры, для мѣстныхъ жителей не памятно и не понятно: потому что намѣстничьи покои на такой высотѣ, что не возможно въ томъ мѣстѣ перебираться чрезъ стѣну.—Путешествіе по подземнымъ трубамъ—принадлежитъ также къ области фан-

нихъ, сдѣлавши, какъ говорятъ французы, *фальшивый шагъ*, долженъ былъ послѣ омыть и себя и свое платье въ прудѣ Пафнугіева сада.

Ч. 2, стр. 159. „Нельзя не замѣтить, что въ томъ же 1864 году кончившему курсъ въ одной изъ академій, родственнику знаменитаго архипастыря, безъ всякаго препятствія дозволили вовсе оставить духовное званіе и опредѣлиться столоначальникомъ М-ой Духовной К-рии; тутъ почему-то не нашли нужнымъ вспомнить о четырехъ обязательныхъ годахъ службы за воспитаніе.

Ч. 2, стр. 335. „Въ одной изъ академій въ шестидесятихъ уже годахъ было замѣчательное въ этомъ отношеніи событіе. Начальство ея, встревоженное появившимся въ духовныхъ училищахъ либерализмомъ, дало студентамъ для разсужденія предложеніе: почему въ семинаріяхъ такъ сильно развился нигилизмъ? Одинъ изъ студентовъ, чело- ловѣкъ весьма умный, пользовавшійся и въ училищѣ, и въ

тази: черезъ, нихъ ни въ монастырь, ни изъ монастыря пробраться не возможно, да и пруды въ Пафнугіевскомъ саду не существуютъ лѣтъ уже съ двадцать, если не болѣе.

Дѣло идетъ о воспитанникѣ XXIV курса С. Славолубовѣ. Увольненіе его отъ духовно-училищной службы и изъ духовнаго званія, безъ вноса денегъ за воспитаніе и образованіе въ Академіи, допущено совершенно справедливо: потому что принадлежалъ онъ по рожденію и по воспитанію къ Московской Епархіи; а отъ Московской Каѳедры ежегодно ассигнуется на содержаніе 27 студентовъ Академіи.

Данъ былъ вопросъ совсѣмъ не о томъ, почему въ семинаріяхъ такъ сильно развился нигилизмъ? — а о „причинахъ неудовлетворительнаго состоянія нашихъ духовныхъ училищъ“. Одно изъ сочиненій, писанныхъ на эту тему, принадлежало студенту Дмитревскому ²⁾, поступившему изъ Рязанской Семинаріи. Усмотрѣвъ изъ сочиненія, что авторъ въ своихъ воспомина- ніяхъ слишкомъ жестоко от-

¹⁾ Разумѣется С. П. Славолубовъ, который сначала былъ столоначальн. М. Д. Консисторіи, потомъ—секретаремъ Тверск. Конситор. и након. (съ 1884 г.) секрет. М. Синод. конторы. † 23 Окт. 1905 г.

²⁾ Дмитревскій Ник. Ив. магистр. XXIV (1860—64) курса. Наставн Моск. сем.; Законоучит. Виленскаго дѣвичьяго института. Стъ 1877 г. Ректор. Минск. д. сем.

семинаріи, и въ академіи казеннымъ содержаніемъ, и слѣд. испытавшій всю тяжесть бур-сацкой жизни, въ своемъ сочиненіи листовъ до 15 все описалъ съ такими возмутительными подробностями, такими яркими красками, съ такимъ воодушевленіемъ, что начальство изумилось, даже испугалось. Ректоръ, призвавши студента, спросилъ: „неужели у васъ не осталось никакого пріятнаго воспоминанія изъ училищной и семинарской жизни?“ „Да, отвѣчалъ студентъ, рѣшительно никакого пріятнаго впечатлѣнія не осталось“. Ректоръ совѣтовалъ передѣлать разсужденіе, но студентъ не согласился и, какъ я слышалъ, подвергся негодованію начальства.

несся къ прежней своей жизни въ Семинаріи, Ректоръ ¹⁾ имѣлъ разговоръ съ студентомъ. Изъ этого разговора открылось, что кромѣ вліянія тогдашней свѣтской литературы, глумившейся надъ семинарскимъ ученіемъ, и дѣйствительныхъ недостатковъ мѣстной семинаріи, въ которой студентъ учился, причиною неблагопріятныхъ отзывовъ были и тяжкія обстоятельства его жизни. Онъ былъ воспитанникъ даровитый, весьма трудолюбивый и благонравный, но первые годы его жизни особенно были несчастливы. Отца онъ лишился очень рано; родные были большею частію не изъ духовнаго званія. Его угнетала крайняя бѣдность; недостатокъ средствъ къ содержанію имѣлъ даже вліяніе на его физическій организмъ. Въ разговорѣ съ студентомъ Ректоръ старался разъяснить ему, что въ этомъ можетъ падать на училищное начальство и что не должно быть ему приписываемо, и показать добрыя стороны въ первоначальномъ его образованіи, за которое онъ не можетъ быть не благодаренъ... Черезъ нѣсколько дней послѣ разговора, студентъ снова приходитъ къ

1) Ректоръ съ 1862 г.—А. В. Горскій.

Ч. 2, стр. 34С. Въ Академіяхъ какъ и въ семинаріяхъ, есть классическіе журналы, въ которыхъ отмѣчается, кто изъ студентовъ не былъ въ классѣ, и чѣмъ наставникъ занимался; журналы эти б. ч. ведутся студентами по очереди и каждый день представляются Ректору. Студенты той Академіи, о которой идетъ рѣчь, оставляли безъ перемѣны записи на тѣхъ одной, или двухъ страницахъ, которыя Ректоръ находитъ нужнымъ ежедневно разсматривать.

За то на предъидущихъ, т. е. старыхъ страницахъ, они рѣшились выказать свое остроуміе и недовольство, дѣлая рекомендаціи наставникамъ. Одного называли *рыбою* за его нѣмотствованіе на лекціяхъ, другаго *водолаемъ*, п. ч. онъ, какъ гласила рекомендація, вливаетъ воду студентамъ въ голову, третьяго *экзальтикамъ*. Но особенно одна отмѣтка была очень остроумна. Вычи-

Ректору съ изъявленіемъ желанія написать другое сочиненіе по тому же классу, въ замѣну перваго.

Но напрасно авторъ увѣряетъ, что студентъ, „какъ слышно, подвергся негодованію начальства“. Нѣтъ, не могъ онъ этого слышать.

Ст. Дмитревскій окончилъ курсъ пятымъ.

Авторъ глумясь пересказываетъ исторію о замѣткахъ и надписяхъ, сдѣланныхъ въ классическихъ журналахъ относительно нѣкоторыхъ наставниковъ.

Надписей: „рыба“, „водолей“, „экзальтикъ“, равно и той, которая названа у него особенно остроумною и которая въ дѣйствительности особенно груба и дерзка,— не оказалось въ классическихъ журналахъ.

Начальствующіе въ Академіи разыскивали виновника этихъ замѣтокъ и надписей: но почеркъ былъ не одинъ и часто намѣренно измѣненъ. Впрочемъ двоихъ наиболѣе признали.—Одинъ изъ нихъ сознался; сдѣланныя имъ надписи не содержали въ себѣ особенно укоризненнаго; однакожъ, онъ былъ лишенъ должности старшаго въ комнатѣ.—Другой, также старшій,

сливши слова о содержаніи лекціи въ извѣстный день, студенты написали: „говорено было о цѣлесообразности; рѣшался вопросъ: для чего Богъ создалъ оловъ? Рѣшено: для того, чтобы профессора Н. Академіи имѣли существа, на которыя они были бы похожи“. Когда начальство узнало о подобной контрфакціи, то по почерку поправокъ и аттестацій заподозрило сочинителей ихъ. Просили ихъ сознаться и обѣщались простить; но только одинъ сознался и начальство, къ чести его сказать, простило сознавашагося преступника. Прочихъ грозили исключить; велѣли подать имъ просьбы объ увольненіи изъ Академіи, но упрямцы не сознались. Впрочемъ въ ходъ не пустили прошенія; начальство этой Академіи отличается благоразуміемъ и осторожностію, не ломить и не гнетъ, только оставили прошеніе того студента, котораго считали главнымъ виновникомъ и объявили, что если кто бы то ни было сдѣлаетъ на журналахъ подобныя аттестаціи, то предполагаемый зачинщикъ будетъ исключенъ. Тутъ осторожное и благоразумное начальство не совѣмъ право. За что же исключать человѣка за поступокъ, который будетъ сдѣланъ другимъ? Вѣроятно, начальство разчитываетъ на то,

не сознался. Но когда классическій журналъ, снова по очереди доставшійся въ его руки, снова оказался съ дерзкою надписью, которую впрочемъ самъ онъ предъявилъ начальству, какъ сдѣланную неизвѣстно кѣмъ, во время стола, въ его отсутствіе,—то за невнимательное храненіе ввѣренной ему книги и за неисправность въ исполненіи своихъ обязанностей, лишень должности старшаго и предложено ему свободно удалиться изъ Академіи. Когда же онъ не изъявилъ на это желанія, взято отъ него прошеніе объ увольненіи изъ Академіи, которымъ начальство могло бы воспользоваться при первомъ безпорядкѣ съ его стороны. И тотъ и другой воспитанники принадлежали къ числу студентовъ наиболѣе даровитыхъ; потому жалко было, за временное увлеченіе юности испортить всю ихъ будущность. Первый изъ нихъ окончилъ курсъ въ 1 разрядѣ; другой, хотя и удержался въ Академіи, но мало занимался классическими уроками, и потому окончилъ курсъ во 2 разрядѣ.

Въ заключеніе нельзя не обратить здѣсь вниманія на образъ мыслей автора, который съ насмѣшкою выражается, что „безъ цѣлесооб-

что ни одинъ студентъ своею шалостію не захочетъ губить своего товарища. Здѣсь считаю нужнымъ прибавить, что наставникъ, получившій аттестацію за лекцію о цѣлесообразности, человѣкъ весьма ученый и знаетъ свой предметъ. Но что же ему дѣлать? Безъ цѣлесообразности философія въ Академіи не мыслима, молчать о ней нельзя. А говорить о ней нынѣ, дѣйствительно, сразу попадешь въ число ословъ, тутъ виновать не профессоръ, который, повторяю, умный и дѣльный человѣкъ, а *ермолафія*, которую надобно читать вмѣсто философіи.

разности философія въ Академіи не мыслима“, и такую философію называетъ не философіею, а *ермолафіею*.
